

Т. ШАНИН

МЕТОДОЛОГИЯ ДВОЙНОЙ РЕФЛЕКСИВНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Концептуальная и аналитическая структура двух исследований российского села, проведенных в 1991-1997 годах¹, названа нами методологией двойной рефлексивности. Речь идет не столько о технических приемах, сколько о сочетании теории, стратегии и стиля коллективной исследовательской работы. Важной частью этой работы было постоянное стремление к методологическим усовершенствованиям и новым организационным формам. Хотя в процессе исследования частные аспекты методологии менялись, фундаментальные предпосылки и исследовательская стратегия оставались вполне определенными и, думается, выдержали проверку многолетним исследовательским опытом.

Ядро методологии двойной рефлексивности включает несколько взаимосвязанных теоретических концепций: качественную методологию, качественно-количественный интерфейс и двойную рефлексивность. Для осуществления этих концепций в полевом исследовании особенно значимы интерактивность наблюдения, связанная с вживанием в изучаемое сообщество, глубокое интервью с помощью полуструктурированных опросников, а также метод коллективной интеллектуальной поддержки, который был назван "длинный стол" (по месту встреч исследователей).

Неокантианская эпистемологическая традиция:

философские корни методологии двойной рефлексивности

Хотя в основе методологии двойной рефлексивности лежит вполне определенная философско-мировоззренческая позиция, проявляется она прежде всего в мелочах. В конце концов и божественное присутствие обнаруживается в мелочах.

В центре дискуссии о методологии социальных (гуманитарных) наук – вопрос об объективности данных. Модель науки как универсального систематического знания зиждется на предположении о независимости данных от наблюдателя. В этом смысле данные "объективны", поддаются внешнему наблюдению и могут быть представлены в количественной форме. Обобщение данных позволяет проверять гипотетические конструкции и теоретиче-

Шанин Теодор – PhD, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, ректор Московской школы социальных и экономических наук. Адрес: 117571 Москва, проспект Вернадского 82/2. Телефон: (091) 434-72-82. Факс: (091) 434-75-47. Электронная почта: common@msses.co.ru

¹ Обзор исследований "Социальная структура села СССР" (1991-1995) и "Реальная экономика и реальная политика российских деревень" (1996-1997) опубликован О.П. Фадеевой [1].

ские утверждения. В универсалистской модели науки имплицитно присутствует требование унифицированного и качественно неизменного (по сути внеисторического) предмета исследования. Противники этого подхода склонны подводить его под одно общее название: "позитивизм". Сторонники методологического универсализма часто отвергают это определение, подчеркивая, что существует много течений, представители которых согласны с предположением о фундаментальном эпистемологическом единстве данных о мире и путей его изучения во всех науках без неперенного признания других базовых предположений классического позитивизма².

Противоположная точка зрения заключается в том, что события человеческой жизни отличаются фундаментальным своеобразием и, следовательно, их необходимо изучать с помощью дуалистических методов, сообразно их двойственной природе, содержащей не только факты, но и смыслы. Человеческие и социальные явления обладают характеристиками "объективных" данных, и значимые результаты могут быть получены с помощью статистического анализа и моделей "вход-выход" (input/output). В то же время проявления человеческой жизни связаны с уникальной способностью объекта исследования к рефлексии и свободному выбору, то есть способностью обнаруживать различные реакции на один и тот же стимул, во всяком случае не только те, которые возникают под воздействием внешних факторов. Предполагается также, что общественные явления открыты для качественных изменений, им присущи взаимная ориентация, смысл и выбор, которые должны быть адекватно описаны и проанализированы. Неокантианская традиция конца XIX - начала XX века решила эту проблему, постулировав фундаментальный дуализм организованного знания и соответственно разграничив формы научной методологии. Г. Риккерт разграничил науку о природе (Naturwissenschaft) и науку о культуре (Kulturwissenschaft) и, вслед за В. Виндельбантом, определил характерные для них генерализирующий и индивидуализирующий методы [3]. Между немецкими философами велись острые споры о природе этого дуализма³. Тем не менее фундаментальное разделение на естественные и гуманитарные науки было воспринято всеми представителями этой традиции. В соответствии с этой точкой зрения гуманитарный "объект" способен к интроспекции и выбору, заключающим в себе возможность преобразования под воздействием знания и самопознания. В англосаксонском дискурсе присутствует более радикальная позиция, разделяющая сферу мысли на "науки" и "искусства" (*sciences and arts*): есть проблемы, доступные научному познанию, и есть проблемы, закрытые для науки, например, относящиеся к сфере искусства⁴.

² В публикации Г.С. Батыгина и И.Ф. Девятко указываются различные и зачастую враждебные школы, объединяемые под общим названием "позитивизм" (логический позитивизм, критический реализм, советские интерпретации марксизма). Авторы дают резкую и четкую оценку качественной методологии [2].

³ Изложение этой полемики опубликовано в изданиях [4, 5], а также в монографиях Дж. Хьюза и П. Уинча [6, 7].

⁴ Наиболее отчетливо эта позиция выражена Ч.П. Сноу [8].

Исторические корни этих дебатов можно отнести к работам Ж.-Б. Вико (или даже к античной философии), но для современной науки наиболее радикальной формулировкой проблемы было то, что Н. Хомский назвал центральным выводом картезианства: "Люди принципиально отличны от всего принадлежащего физическому миру. Другие организмы – суть машины. Когда их части установлены в определенном порядке и они помещены в определенную внешнюю среду, все, что они делают, полностью предопределено или же подчинено вероятностной закономерности. Но эти же условия не принуждают людей действовать тем или иным образом, люди только имеют побуждение и склонность так поступать... Их поведение может быть предсказуемым в той мере, в какой они обычно делают то, к чему имеют побуждение и склонность, но тем не менее они свободны и свободны уникальным образом, поскольку им не обязательно делать то, к чему они имеют побуждение и склонность" [9].

Методология двойной рефлексивности принимает в качестве эпистемологического базиса неокантианскую традицию в ее менее радикальной форме, выраженной Г. Риккертом и М. Вебером. Там, где речь идет об изучении человеческих сообществ, требуется двойственный методологический подход, ориентированный как на специфически человеческие, так и "объективные" характеристики объекта. Это позволяет изучать объект во всех его связях и опосредованиях.

"Частности" методологии двойной рефлексивности

Как отмечалось выше, основными компонентами методологии двойной рефлексивности являются качественная методология, качественно-количественный интерфейс и собственно двойная рефлексивность.

Понятие *качественной методологии* (качественного исследования, качественного подхода, качественной социологии) получило широкое распространение и охватывает многообразные исследовательские подходы. Р. Теш насчитала 45 различных интерпретаций этого понятия [10]. Нередко эти интерпретации отстоят друг от друга столь далеко, что критики имеют основания назвать "качественную социологию" мусорной кучей⁵. Часто те, кто использует понятие "качественное", избегают его четкого определения. Подобная застенчивость обычно выражается в определении этого понятия через отрицания ("нестатистический", "неанкетный" и т. п.).

Хуже того, выражение "качественный" стало модным. Такая мода поражает академические дисциплины, привнося в них нечто от базара: торговцы стараются перекричать друг друга и обскакать конкурентов с помощью оскорбительных тычков и фальшивых заявлений о необыкновенной свежести предлагаемых ими товаров. "Качественная методология" как мода нередко обусловлена недостатком знаний об истоках, основах и интеллектуальной истории социологии. В немалой мере она находится под давлением академических рынков, нацеленных (ради карьерных соображений) на массовое

⁵ Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко заимствуют понятие "кучи" (conger) у П. Соркина, который дает ему следующее описание: "Объекты, положенные рядом или... выброшенные вместе, – это все, что их объединяет" [11].

производство повторяющихся текстов поверхностного содержания. Но это одна сторона дела. Академическая мода приходит и уходит, но часто, когда она исчезает вместе с ее наиболее легковесными представителями, поспешившими пойти пастись в другое место, остаются несомненные достижения в виде новых вопросов, ответов, концепций и методов, а также экспертов, способных проблематизировать и прояснить новые фрагменты социальной реальности. Помня об опасности следования очередной моде, важно не перестраховаться и не выплеснуть вместе с водой ребенка. "Эпистемологическая свалка" действительно существует во многих работах, но свидетельствует скорее об эпистемологической болезни, которой подвержены те, кто пользуются этим термином без достаточно ясного его определения, а не на то, что само понятие качественной методологии лишено содержания.

Начнем с перечисления значений "качественного", которых, на наш взгляд, следует избегать.

1. Не стоит употреблять это определение по остаточному принципу, когда все, что "не" (т. е. не подпадает под категорию статистических, количественных методов или моделей, связанных с "жесткими" гипотетическими конструкциями) становится "качественным". Аналогичным образом, это понятие не должно определяться путем добавления отрицательной приставки ("не вторичный", "не анкетный", "не статистический"). Такие определения качественного исследования можно встретить достаточно часто. Известные ученые дают следующую его формулировку: "Любое исследование, результаты которого не могут быть достигнуты с помощью количественных процедур" [12]. Это восхитительно просто, ясно и имеет ничтожную эвристическую ценность.

Определение концепции, социальной реальности или методологии по "остаточному" принципу, как "все, что не", скорее указывает на то, как данная конструкция была получена, а не на предмет исследования. Для того, чтобы стать эффективным методологическим инструментом, концепция должна быть представлена в позитивных терминах, устанавливающих ее содержание, выделяющих ее ядро и определяющих ее границы. Только так можно избежать "эпистемологических свалок".

2. Понятие качественной методологии не может быть определено путем приравнивания к использующей ее академической дисциплине (например, этнографии). Качественная методология шире по своим задачам, характеристикам и свойствам, чем отдельно взятая дисциплина. По тем же соображениям невозможно принять определение качественной методологии как характерной черты социальной работы. Основания для такого вывода иногда усматриваются в том обстоятельстве, что социальному работнику, как правило, приходится иметь дело с "конкретным случаем" (case work). Понятие "case study" (исследование отдельного случая) используется некоторыми авторами как синоним "качественной" методологии. Фактически же "исследование случая" или монографическое исследование является одним из приемов качественной методологии⁶. Сходство звучания не есть доказательство в вопросах содержания.

⁶ Обзор "исследований случая" имеется в публикации Д. Платт [13].

3. Качественные методы не должны рассматриваться лишь как первоначальная стадия исследования, то есть сводиться к предварительному наблюдению, чтобы потом социолог мог применить "жесткий" научный анализ. Не являются они и "квазистатистическими методами", используемыми до того, как начнется, как кажется, действительно научная, то есть статистическая работа [14]. Статистика и математика – не единственные средства получения научных знаний.

В последнее десятилетие получил известность подход, названный его автором А. Строссом "приземленной теорией" (grounded theory) [15]. Он освободил обществоведов от доминирующей ориентации на применение естественнонаучных моделей, в частности, лабораторных экспериментов, в качестве эталонов⁷. В рамках "grounded theory" предложена альтернатива априорно заданным гипотезам: гипотетические суждения выводятся из опыта и дают более богатое и реалистическое видение процесса исследования, чем при дедуктивных методах. В наших исследованиях 1991-1997 годов основная идея этого подхода была принята в качестве само собой разумеющейся методологической установки.

4. Качественные методы не должны определяться исключительно как реакция на сложность объекта исследования. Сложные социальные проблемы можно изучать с помощью различных методологий, не только качественных, но и количественных.

5. Качественные методы не должны выводиться из политической идеологии. Идеологический характер имеет и отрицание формальных аналитических процедур как неприемлемых по той причине, что они, якобы, связаны с "подавлением". Истинность (или ложность) научных заключений также не может быть следствием правильной (или неправильной) политической ориентации. Например, "мужской тип исследований" (как предполагается, ложный по своей природе) противопоставляется истинной, то есть феминистской ориентации [16]. В научном исследовании идеологии не могут заменить процедур научного вывода.

6. Качественные методы не должны определяться как установка или стиль исследователя, обусловленный его наклонностями и способностями, эмоциональным сопереживанием, пристрастием к самовыражению и автобиографическим экскурсам при изложении социологического материала. Равным образом математические способности и педантичность исследовательского стиля недостаточны для определения "количественной социологии". Следует проводить различие между характеристиками методологии социальных наук и личностными качествами исследователя, формирование которых может рассматриваться как часть профессиональной научной подготовки.

Качественную методологию можно определить как тип исследования, в котором наблюдаемые формы поведения соотносятся с поведенческими стратегиями действующего субъекта, в том числе смыслом, придаваемым им своим действиям. Специфика качественной социологии связана прежде всего

⁷ Развитие данного подхода связано с разработкой компьютерных программ анализа качественной информации. Одна из таких программ – NUD*IST.

с выявлением повторяющихся форм человеческих взаимодействий, их понимания и субъективно полагаемого смысла. Это не исключает количественных методов как таковых, однако исключает исследования, в которых полученные модели человеческого поведения и взаимосвязи между ними соотносятся только с аналитическими операциями самих исследователей, в то время как человек, объект изучения, рассматривается только с "объективных" позиций, то есть как движимый силами, внешними по отношению к его мыслительному процессу, и к которым сводится причинный механизм действий и взаимодействий.

В процессе качественного исследования полевая работа предусматривает, как правило, прямое наблюдение в сочетании с многомерными глубокими интервью. Ее цель заключается в том, чтобы установить формы действий и взаимодействий членов изучаемого сообщества, а также связать это с тем, как действия и взаимодействия понимаются и объясняются самими участниками. Аналитическая часть исследования включает категоризацию и кодирование свидетельств, при этом особое внимание уделяется связям между категориями. Работа с первичными данными, их соотнесение с концепциями и терминами в целях уточнения и классификации составляет основную часть исследования. Предполагается возможность критического переформулирования используемых понятий и отказ от некоторых из них, введение новых понятий и т.п. — все это позволяет достичь более реалистического объяснения динамики и причин изучаемого явления.

Аналитическое описание, соотнесение свидетельств, построение типологии и выдвижение предположений относительно причинных связей, а также доказательство реалистичности описания и способов его проверки — также предполагаемые результаты качественного исследования. Оно включает также рассмотрение исторического процесса, частью которого являются изучаемые события. Что касается связи этих элементов, то в дискуссии о качественном исследовании была выдвинута исключительно важная мысль: сбор данных, категоризация, кодирование, анализ связей между категориями, проверка с помощью свидетельств представляют собой не просто последовательные стадии работы, а скорее спираль или зигзаг — работа продвигается посредством постоянного возвращения к предыдущему этапу. Непрерывное взаимодействие между категориями, объяснениями, свидетельствами, прояснением терминов — это диалектическая связь или, если воспользоваться выражением современного автора, это итерационный, а не линейный процесс [17].

Качественно-количественный интерфейс: сочетание качественных и количественных методов. "Количественное" исследование опирается (в идеале) на статистический анализ данных. Основным способом сбора таких данных являются анкетные опросы, которые охватывают большое число единиц наблюдения и требуют серьезной предварительной работы по обеспечению репрезентативности наблюдений. Все это позволяет применять математические методы, которые делают результаты исследования более надежными; "плата" за это — существенное сужение фокуса исследования.

В основе методологии двойной рефлексивности лежит предположение о прямой связи между "объективной" реальностью (и ее возможным представ-

лением в виде количественных данных) и вопросами ее понимания и выбора жизненных стратегий, а также более широким социальным контекстом. Работа с числами и статистический анализ – способ рассмотрения общества с "количественной" точки зрения. В фокусе "качественного" анализа находится работа с понятиями и категориями. При изучении общества числа зависят от смыслов и категоризаций. Именно поэтому различение качественного и количественного как полярных "идеальных типов" полезно для прояснения логики различий, но в то же время при прямом переносе на эмпирический уровень ведет к ошибкам. Область пересечения количественного и качественного часто оказывается наиболее плодотворной.

В социальных науках следует уделять особое внимание многомерному и комбинированному анализу, в котором смыкаются количественные характеристики действия и их субъективный и интерсубъективный срезы. Использование бюджетных исследований в разработках 1991-1997 годов может служить тому типичным примером. Традиция сельских бюджетных исследований, основоположником которой в России был Ф.А. Щербина [18], развитая и достигшая методологического пика в исследованиях ЦСУ и Тимирязевской академии в 1920-е годы, связанная с именами А.В. Чаянова, В.С. Немчинова и других ученых, опиралась на анализ доходов и расходов в рамках семейных единиц производства [19, 20]. Бюджетные исследования связаны с анализом форм и балансов производства, а также использования труда, инвестиций, комбинирования натуральных и денежных ресурсов. Такой анализ, выраженный в "жестких" цифрах, был предпринят и в наших исследованиях, в которых мы использовали скорректированную версию чаяновских таблиц [21]. Сбор "жестких" данных в наших исследованиях шел параллельно с систематическим изучением в одних и тех же семьях стратегий материального обеспечения, в частности, планов производства, использования труда, материальных ресурсов и денег, а также бартера и неэквивалентного обмена в рамках сетей взаимопомощи родственников и соседей. Это позволило соотнести бюджетный анализ балансов затрат и выпуска с разнообразными и субъективно значимыми решениями сельских жителей. В том же направлении развивался анализ сетей межсемейной и внесемейной (в частности, соседской) поддержки и кооперации.

Качественное и количественное исследования представляют собой различные методологические фокусы изучения одного и того же предмета, его различные срезы. Они могут накладываться, соединяться и перекликаться, выбор принадлежит здесь исследователю и определяется репертуаром его вопросов. Абстрактные споры о том, какой метод лучше, обычно не способствуют развитию научного знания.

Следует пояснить целесообразность использования термина "интерфейс". Возможные лексические эквиваленты "связь" "взаимодействие" недостаточно акцентируют типологическую разнородность качественного и количественного срезов социальной реальности. Пользуясь термином "интерфейс", мы стремились подчеркнуть сложную взаимозависимость предполагаемого единства социальной реальности и его фундаментального методологического разделения на объективную фактичность и субъективно полагаемый смысл.

Двойная рефлексивность. Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубокие интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме "длинного стола".

Концепция рефлексивности коренится в неокантианской традиции наук о духе. В центре внимания здесь оказывается взаимное влияние исследователя и объекта и таким образом преодолевается заимствованная из естественных наук модель, в которой активный разум исследует то, что по сути пассивно и нейтрально. Рефлексивность представляет собой предположение, что свидетельства ("данные") никогда не могут быть полностью отделены от влияния исследователя. В человеческих явлениях сам процесс познания изменяет познаваемое⁸. Принятая нами модель исследовательского процесса включает не только "объективные" данные, регистрируемые прямым наблюдением и интервью во время полевой работы, и воздействие исследователей на изучаемое поле (то есть взаимоотношения субъект-исследователь и объект-исследуемый). Модель включает также субъективность самих объектов — их понимание своего социального и материального контекста наряду со значимыми (и разнообразными) решениями относительно выбора стратегии действия.

Мы называли двойной рефлексивностью отношение между следующими элементами: а) тем, что наблюдается исследователем; б) интерпретативными действиями исследователя, а также их влиянием на изучаемый объект; в) субъективностью объекта, выражающейся главным образом в том, как он определяет и объясняет поступки и сделанный им выбор. Этот "треугольник" являет собой ядро нашей методологии и ее отправной точкой как в полевой работе, так и в интерпретации результатов, основой ее логической и эвристической силы, а также ограничений. Важным следствием этого тройственного соотношения является предположение о том, что ни исследователь, ни исследуемый не обладают монополией на понимание коммуникации между ними, ни у кого из них нет привилегии на окончательное знание.

Интерактивная стратегия полевого исследования возникла и оформилась в социальной и культурной антропологии, получившей первоначальное развитие главным образом в Великобритании, США и Франции [27, 28, 29]. Изначально связанная с колониальной эпохой, социальная и культурная антропология превратилась в академическую дисциплину, имеющую много общего с другими науками, особенно историей и экономикой. В последние годы наблюдается слияние социальной антропологии с социологией. Эта традиция основана на наблюдении за жизнью небольшого локального сообщества и ориентирована нацелена преимущественно на то, что К. Гирц на-

⁸ Рефлексивность в социальных науках определяется как "метод, теория и т.п., в которых уделяется особое внимание влиянию... которое оказывает личность исследователя... на объект исследования" [22]. Проблемы рефлексивности в методологии социальных наук обсуждаются в Э. Гидденсом [23, 24] и Д. Соросом [25]. Дискуссия между Гидденсом и Соросом о рефлексивности как аналитическом методе опубликована в [26].

звал "насыщенным описанием" (thick description), имея в виду описание не только фактов (анкетных данных и других форм учета), но также намерений и смыслов, понятийного контекста и его динамики [27].

Такая стратегия диктует особое отношение к сбору данных: визит с "жесткой" анкетой и закрытыми вопросами уже не соответствует задаче исследования. Связь исследователя с изучаемым сообществом должна быть длительной настолько, что можно говорить о проживании в нем. Процесс сбора данных должен быть "мягким", подстраивающимся под ритм жизни сообщества. Вопросы должны быть достаточно открытыми для того, чтобы фиксировать неожиданные события, и изменяться по мере возникновения новых проблем и источников информации. Вживание исследователя в сообщество составляет часть исследовательской стратегии, обеспечивая ее успех. В то же время необходимо сохранять баланс между близостью к изучаемому объекту и мерой отстраненности, которая должна обеспечить возможность критической оценки происходящего.

Собранные таким образом свидетельства создают богатую, многомерную картину социальных отношений, которая менее селективна и вторична по сравнению с результатами обычных анкетных опросов, предпринятых по инициативе администрации (например: "сколько картофеля с одного гектара было произведено?"). Они несут в себе содержательное описание взглядов и культурных значений, смыслов, циркулирующих внутри социальных сетей и групп, в которые включены индивиды в своих повседневных контактах. Широкая база данных, менее структурированная, но в то же время менее искаженная предварительным отбором, неизбежным при узком анкетном обследовании, исключающим сведения об условиях жизни и отношениях людей вне заданного вопроса и, следовательно, оставляющим за рамками все неожиданное, может быть использована как для общего, так и для "точечного" анализа социальной реальности. Следует добавить, что такой тип полевой работы создает особые возможности для выражения и развития творческих способностей исследователя.

Оборотная сторона медали – сложность и трудоемкость интерактивных методов, нередко весьма значительные. Это отчасти объясняет, почему исследования такого рода редко включаются в государственные научные программы. Репрезентативность их результатов всегда может быть оспорена – конкретные "случаи" (индивиды и сообщества) могут оказаться исключениями и тем самым порождать ошибки при формулировании общих выводов. "Насыщенное описание" само по себе оставляет открытыми многие проблемы анализа данных и, в частности, причинные связи.

Кроме того, продолжительная полевая работа требует от исследователей, большинство которых принадлежат к иной социальной среде, серьезного психологического напряжения и может вызвать депрессию. Особую сложность представляет задача одновременного включения в сообщество и "выдерживания дистанции" с местным населением. К этому следует добавить бесчисленные житейские проблемы, начиная от возможных препятствий, чинимых местными органами власти и самим населением по отношению к "чужакам", и кончая поиском жилья, средств коммуникации и технической поддержки.

Опыт наших сельских исследований 1991-1997 годов помогает глубже осознать как практические способы организации интерактивного полевого исследования, так и неудачи, которые не менее важны для критического анализа проведенной работы. Период проживания в каждой деревне продолжался 8 месяцев в первом исследовании и 13 месяцев (то есть полный сельскохозяйственный цикл) во втором. Был проведен тщательный отбор участников проекта – все они имели высшее образование в области социальных наук и, главное, обладали жизненным опытом и личностными качествами, необходимыми для того, чтобы выдержать тяготы долгосрочной полевой работы. Профессиональная переподготовка исследователей осуществлялась как путем прямого обучения, так и в ходе регулярного коллективного обсуждения результатов. То обстоятельство, что участники проекта имели различное базовое образование (среди них были социологи, экономисты, географы, архитекторы, учителя) сыграло важную роль для взаимного междисциплинарного обучения.

Проблема репрезентативности данных была частично решена посредством тщательного отбора деревень "внешними" экспертами. Хотя такому отбору присущи определенные ограничения, исследование позволило получить методически надежные новые данные. Главная цель работы заключалась в выработке эффективной методологии для создания глубокой картины, воссоздающей жизнь сельской России. Была также надежда на организацию в будущем ежегодного мониторинга сельской России, аналогичного репрезентативным исследованиям деревень, проведенным ЦСУ в 20-е годы – в этом случае проверенная опытом методология могла бы оказаться особенно ценной.

В деревнях работали "команды" исследователей, состоящие из двух-трех человек (часто "команду" составляли семейные пары, что оказалось наиболее эффективным). Вторая линия защиты обеспечивалась "длинным столом", за которым периодически собирался коллектив исследователей. "Центр" проекта включал администратора, который поддерживал постоянный контакт с "командами", занимался материально-техническим обеспечением, организовывал сборы "длинного стола" и вел архив. "Центр" также снабжал полевые "команды" официальными рекомендательными письмами (например, от президента Академии сельскохозяйственных наук, Аграрного комитета Государственной Думы и т.п.), помогал устанавливать личные связи, необходимые для адаптации в сельских сообществах и должного уровня защиты. Технические средства полевой работы совершенствовались по мере увеличения финансовых возможностей и роста квалификации исследователей. Начав с диктофонов, резиновых сапог и ручных фонариков, на поздних стадиях проекта его участники были оснащены компьютерами, модемами и фотокамерами. Кроме администратора центральная "команда" включала руководителя проекта и "начальника штаба", координирующих сбор данных и обеспечивающих их предварительные оценки и анализ.

Глубокие интервью и полуструктурированные ("самонаправленные") опросники. Интервью ориентировано на непосредственный контакт с объектом исследования. Это находит отражение в опроснике, который является "самонаправленным", то есть направлен на интервьюера, а не на исследуе-

ных. Процесс сбора данных предполагает активное участие респондентов, контакт с которыми обычно сохраняется неделями и месяцами. Опросник представляет собой путеводитель в перечне тем, которые должны быть прояснены в ходе интервью, в нем также содержится краткий список ожидаемых ответов. При этом форма вопросов определяется самим исследователем в зависимости от конкретных условий интервью (дома или на улице, в дружеском обмене мнениями или в споре, с глазу на глаз или в присутствии других людей). Вопросы могут задаваться отдельному человеку, семье, семье вместе с соседями или другой группе. Ответы на вопросы перепроверяются в ходе бесед и затрагивают темы личного содержания, запрятанные или забытые, подобно тому, как один за другим снимаются слои луковицы. Мнение интервьюера относительно того, какая из версий событий, мнений или оценок наиболее правдоподобна (и почему), важно, но в любом случае необходимо точно записать картину происходящего. Кроме глубоких интервью сбор данных включал метод "фокус-групп", который в наших исследованиях принимал формы дискуссии, инициированной интервьюером у входа в местный магазин, за семейным столом, на заседаниях сельсовета, общем собрании "крупхоза" (принятое нами определение действующих и теперь межсемейных форм хозяйства на базе бывшего колхоза или совхоза). К этому следует добавить постоянное непосредственное наблюдение. Качественная методология, имеющая дело со значениями и смыслами, не исчерпывается использованием полуструктурированного опросника.

Глубокие интервью особенно зависимы от доверия респондентов и их дружеских отношений с интервьюером, однако здесь возникают определенные методологические проблемы. Для тех, кто отвечает на вопросы, содержание бесед может иметь травмирующий характер и быть связанным с известными опасениями. Поэтому этические и профессиональные решения относительно острых вопросов должны быть продуманы на предварительной стадии исследования. Инструкцией к базовому опроснику предписывалось не фиксировать информацию в тех случаях, когда она может создать опасность либо затруднительное положение для человека или семьи – профессиональная честность важнее профессиональных достижений. Принималось как само собой разумеющееся, что мы стоим на стороне крестьян, которых интервьюируем, и такая позиция должна определять наш кодекс поведения. В долгосрочной перспективе подобное поведение наиболее эффективно и с точки зрения результативности исследования.

Что касается технологической стороны полевой работы, то особенно полезным для интервьюирования оказался диктофон, позволяющий концентрировать внимание на разговоре. Кроме того исключительно важно прослушать фонограмму и выделить особенно важные моменты разговора. При использовании диктофонов всегда спрашивали согласия респондента. Как показывает наш опыт, такое согласие почти всегда дается легко, если установлены доверительные отношения. Для сбора информации, требующей ежедневных записей, в определенных случаях привлекались и сами респонденты (например, для регистрации ежедневных трат или составления списка купленных товаров). Чтобы такие данные были достоверными, необходимы регулярные и частые контакты исследователей с респондентом.

Использование открытых (полуструктурированных) форм опроса стимулирует интерактивный стиль интервьюирования, в котором творческие способности респондентов, их идеи и возможные критические комментарии постоянно активизируются. Хотя беседа в целом направляется интервьюером, зачастую именно контрольные вопросы респондентов, их собственные представления оказываются в высшей степени полезными. Неторопливые беседы "за жизнь", хотя и кажутся на первый взгляд нерезультативными, имеют важнейшее значение с точки зрения человеческих отношений, без установления которых невозможно получить развернутые ответы на конкретные вопросы. В спокойном диалоге интервьюера с респондентом определяется мера их равенства как залог доверия и, следовательно, условие получения качественной информации. Исследователи, не уважающие своих информантов и не обнаруживающие ничего интересного в их биографиях и взглядах, не должны браться за работу подобного рода.

Основная идея исследовательского коллектива выразилась в "длинном столе". Обычно коллектив собирался раз в три-четыре месяца. Работа проходила главным образом в форме дискуссий между участниками проекта, сидевшими за одним столом⁹. Повестка "длинного стола" включала отчеты каждой "команды" о полевом исследовании, обсуждение проблем и трудностей, организационные вопросы, в том числе связанные с оплатой работ. Большая часть времени посвящалась обсуждению теоретико-методологических проблем и повышению квалификации. Уточнялись понятия, перепроверялись взгляды на тему исследований. Общие заседания перемежались индивидуальными встречами с руководителем проекта, "начальником штаба", проверявшей выполнение планов, а также встречами целевых групп, занятых определенной темой, например, бюджетными исследованиями или семейными сетями. Все это дополнялось "внештатным" общением, беседами и спорами. Коллективные развлечения и отдых были обязательной частью таких встреч.

Сочетание интеллектуальных усилий, интенсивного общения исследователей и отдыха создавало стимул для постоянного повышения качества работы, способствовало установлению взаимного контроля и самоконтроля. Споры были жаркими, но никогда не приводили к ссоре, а способствовали единению и профессиональному росту всех участников проекта.

Работа "длинного стола", избавленная от строгой формализации, предъявляет особые требования к руководителю проекта. Он должен управлять дискуссией, обеспечивать конструктивность результатов и единение коллектива, определять пробелы социологической теории и методах, планировать соответствующие лекции и семинары. Он должен поддерживать коллег в кризисных ситуациях. Руководитель обязан направлять ход дебатов, снимая их возможную "зацикленность" и излишнюю эмоциональность. Хотя ответственность за общее определение целей исследования и постановку задач в конечном счете несет руководитель проекта, они систематически обсуждались и уточнялись всеми участниками работы.

⁹ Название "длинный стол" закрепилось благодаря статье "Рыцари длинного стола", написанной журналистом, посетившим одну из таких встреч [30].

Значительную роль в повышении качества полевых исследований сыграли специалисты, не принимавшие в них непосредственного участия. Нематериальная группа экспертов (названная нами "совет советников") принимала участие в планировании различных стадий исследования. Например, отбор деревень, районов и регионов серьезно обсуждался в группе крупных специалистов, в которую входили ведущие специалисты в области сельской России, а также историки. Обычай приглашать экспертов и "чувствовать" за "длинный стол" сыграл положительную роль в его успешном функционировании.

Методология двойной рефлексивности в целом. Взаимозависимость всех трех фундаментальных компонентов этой методологии означает, что каждый из них может быть использован и в других типах исследований. Так, определение качественной методологии связано с предположением о комбинации качественных и количественных исследований (как было показано на примере сельских бюджетов).

Проведение открытых и интерактивных интервью связано с формой полевого исследования и особым ритмом долговременного вживания в сообщество, а также сочетанием "близости" с "отстраненностью". "Насыщенные описания" включающие информацию о контексте действия и о его личностном значении, связаны с основами определенного нами "трехстороннего анализа". Включенность, обучение и самообучение участников проекта в рамках "длинного стола" обогащало результаты и придавало гибкость методологии, при этом сохранялось постоянное критическое отношение к общей программе исследования. Философские и этические установки, заложенные в проекте, влияли как на личные связи членов исследовательской команды, так и на ее коллективные действия.

Сильные и слабые стороны методологии двойной рефлексивности: каталог

Другой способ рассмотрения методологии двойной рефлексивности в исследованиях 1991-1997 годов – составление каталога ее достоинств и ограничений. Начнем с эпистемологической позиции как в формальных процедурах, так и в неявном знании¹⁰. Фарватер науки прошлого был устремлен к абсолютному знанию, полной предсказуемости событий и причинных связей. Альтернативные взгляды обычно выражались в форме либо веры (в тексты или в пророков), либо фундаментального скептицизма, отрицающего способность человека обнаружить какой-либо логический или причинный смысл событий. Особенность нашей эпохи заключается в укрепляющемся убеждении в неопределенности истины, а также в том, что возможно накопление систематических знаний о мире.

Примером такой позиции может служить позиция К. Поппера, для которого реальная наука представляла собой постоянно изменяющийся корпус еще не опровергнутых выводов и гипотетических предположений [34, 35]. Способность жить в постоянной динамической неопределенности, не позволяя ей парализовать волю и мысль, – качество, которым все более характери-

¹⁰ Понятие неявного знания используется здесь в смысле М. Полани [31, 32].

зуются базовые предположения современной науки и особенно науки социальной¹¹.

Методология двойной рефлексивности нацелена на постоянно подверженную сомнению и поэтому динамичную методологию. Полученные с ее помощью выводы дают картину, всегда открытую критическому отрицанию и дальнейшим изменениям. Из этого следует, что сторонники методологии должны не упрямо обороняться от сомневающихся и еретиков, а внимательно к ним прислушиваться.

Достоинства методологии двойной рефлексивности.

Первичная информация предстала как более глубокая и реалистичная по сравнению с данными статистических исследований и опросов общественного мнения. Ее возможности, определяемые выбором регионов и деревень, делают результаты более значимыми, чем биографии или изучение отдельных случаев (индивидов, семей или деревень).

В базе данных непосредственно соотносятся "жесткие" факты, (потоки материальных ресурсов, использование труда) и понимание стратегий выживания семей и способов их экономической самозащиты и возможного преуспевания. Сравнение с этими данными местных официальных политических и статистических отчетов (всегда сильно искаженных в интересах их составителей, а также начальников) позволяет проникнуть за официальный "фасад".

Методология двойной рефлексивности позволяет установить сельские и сельско-городские сети неформальной или эксплоярной деятельности, в частности сети взаимной поддержки как основной компонент общественно-экономической жизни.

В результате исследования сформировалась более реалистичная "трехсторонняя" картина как экономических процессов, так и политического сознания (сами "факты", то, как они видятся участниками, и то, как они видятся "со стороны" – исследователем). Название исследования 1996-1997 годов – "Реальная экономика и реальная политика сельской России" – отражает именно такую направленность.

В исследовании определились механизмы, которые позволяют выносить на профессиональный "суд равных" (peers review) и критически обсуждать результаты полевой работы. В отличие от узкой ориентации на проверку априорно заданных гипотез, методология двойной рефлексивности обеспечивает открытость по отношению к неожиданным фактам и выводам.

Интерактивная подготовка участников исследования стимулирует их творческое отношение к сбору и анализу данных, способствует расширению социологического горизонта и профессиональному росту.

Слабости методологии двойной рефлексивности.

Прежде всего следует отметить проблематичный уровень репрезентативности. Математико-статистические методы, развитые в рамках количественной методологии, в частности, расчет выборок, позволяют соотносить теоретические построения с фактами и систематически проверять реалистичность выводов. Качественные методы не обладают и, вероятно, не могут

¹¹ А. Грамши великолепно сформулировал принцип мышления и поведения пригодный во всех случаях жизни: "Пессимизм интеллекта, оптимизм воли".

обладать возможностями верификации того же уровня. Развитие компьютерных методов анализа качественных данных лишь отчасти улучшило ситуацию.

На наш взгляд, выбор между методами, которые приводят к сужению исследовательского поля ради его "математизации", и их альтернативой заключается не в том, чтобы отрицать одни методы во имя других, подразделять их на категории "истинно научных" и "частично научных" или же сводить друг к другу. Оптимальное решение вопроса в том, чтобы использовать их комбинированно. В то же время для качественных исследований, особенно в рамках сравнительного анализа, необходима дальнейшая (и постоянная) работа над методами отбора объектов и оценки репрезентативности данных.

Отход от рутинных методов связан со значительными затратами времени и ресурсов. Изучение новой темы с позиций методологии двойной рефлексивности требует значительных дополнительных усилий, в том числе переподготовки участников полевого исследования. По аналогичным причинам в качественных исследованиях труднее контролировать график выполнения работ и обеспечивать ясность и "окончателность" результатов, обычно требуемых финансовыми и административными спонсорами программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фадеева О.П.* История социологических исследований сельской жизни в России (1990-1995 гг. и 1995-1996 гг.) // Крестьяноведение: Теория, история, современность: Ежегодник. 1996 / Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 301-315.
2. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Миф о "качественной социологии" // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28-42.
3. *Rickert H.* Meaning in history. London: George Alien & Unwin, 1961.
4. *Dilthey W.* Selected writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
5. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
6. *Hughes J.A.* The philosophy of social research. London: Longman, 1990.
7. *Winch P.* The idea of social sciences, London: Routledge and Kegan Paul, 1990.
8. *Snow C.P.* The two cultures. Cambridge: Cambridge University Press, 1964.
9. *Chomsky N.* Language and problems of knowledge, Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. P. 5-6.
10. *Tesch R.* Qualitative research. New York: The Fahner Press, 1990. P. 58.
11. *Sorokin P.* Social and cultural dynamics. Vol. 1. New York: American Book Company, 1937. P. 10.
12. *Strauss A., Corbin J.* Basics of qualitative research. London: Sage Publications, 1990. P. 17.
13. *Platt J.* Case study in American methodological thought // Current Sociology. 1992. Т. 40. No. 1.
14. *Lazarsfeld P.* On social research and its language. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
15. *Strauss A.L.* Qualitative analysis for social scientists. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
16. *Stanley L.* Breaking out again: Feminist ontology and epistemology, London: Routledge, 1993.
17. *Dey I.* Qualitative data analysis. London: Routledge, 1993.
18. *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж: Вольное экономическое общество, 1900.

19. Статистический справочник: 1927. М.: Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1928;
20. Статистический справочник: 1928. М.: Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1929.
21. *Чаянов А.* Бюджетные исследования. М.: Финансы и статистика, 1929.
22. *The new shorter Oxford dictionary.* Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 2522.
23. *Giddens A.* The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
24. *Giddens A.* Modernity and self-identity. Cambridge: Polity Press, 1991.
25. *Soros G.* The alchemy of finance. New York: Simon and Shuster, 1987.
26. Beyond chaos and dogma: discussion by G. Soros and A. Giddens // *New Statesman.* 1997. October, 13.
27. *Geertz C.* The interpretation of culture. London: Fontana Press, 1997.
28. *Leach A.R.* Social anthropology. London: Fontana Press, 1982.
29. *Hammersley M., Atkinson P.* Ethnography. London: Routledge, 1995.
30. *Лацис О.Р.* Рыцари длинного стола // *Дело.* 1993. 10 ноября. С. 11.
31. *Polanyi M.* The logic of personal knowledge. London: Routledge and Kegan Paul, 1958.
32. *Polanyi M.* The tacit dimension. New York: Doubleday, 1966.
33. *Popper K.* The logic of scientific discovery. London: Hutchinson, 1959.
34. *Popper K.* The poverty of historicism. London: Routledge, 1957.